

Несмотря на то, что холодный голос мужчины донесся до него лишь мгновение назад, юношу все равно пробрала дрожь. Хотя стоял апрель и погода постепенно теплела, здесь, казалось, было гораздо холоднее, чем в любом другом месте.

Ли Чжань слегка поднял руку, и Дун Дун, поняв знак, шагнул вперед и развязал повязку на глазах Гао Ляна. Узнав в человеке перед собой Регента, Гао Лян в испуге поспешно рухнул на колени и забил поклоны.

— Ты сегодня должен был дежурить в кабинете Юйшуфан, почему же они говорят, что ты был в павильоне Фэнсянь? — Ли Чжань слегка наклонился, разглядывая лежащего на полу маленького евнуха. Гао Лян не смел поднять взгляд на мужчину, он поспешно опустил голову, а его тело мелко дрожало.

Днем, в кабинете Юйшуфан, этот человек казался мягким и снисходительным, но теперь, неизвестно почему, от него веяло холодом, словно он был скован льдом. Каждое его слово, лишённое всяких эмоций, заставляло бросать в дрожь.

— Раб... раб виноват, прошу Князя о снисхождении, — заикаясь, затараторил Гао Лян, не переставая кланяться.

— О? — Ли Чжань оставался бесстрастен. — В чем же заключается твоя вина?

Холодный пот градом катился по лбу Гао Ляна. Не смея поднять головы, он пробормотал:

— Раб не должен был самовольно меняться сменой с другим человеком, лишь бы только приблизиться к Князю... Раб больше никогда не посмеет, умоляю Князя сохранить мне жизнь.

— С кем ты поменялся сменой? — спросил Ли Чжань.

Гао Лян зажмурился и выдавил:

— С Цзи Цинчжоу!

При этих словах взгляд Ли Чжаня на едва уловимое мгновение замер, но тут же вернулся к обычному состоянию. Стоявший рядом Дун Дун, видя, что тот молчит, напомнил:

— Этот Цзи Цинчжоу — младший сын бывшего Тайфу Цзи Вэньчэна. Покойный император отправил двух сыновей рода Цзи в ссылку, но кто знает, почему этот маленький господин Цзи предпочел пойти в услужение евнухом, а не отправиться в изгнание...

— Кто предложил поменяться сменами? — спросил Ли Чжань.

— Это... это... — голос Гао Ляна дрожал, он снова ударился головой о пол. — Это предложил Цзи Цинчжоу! Раб был ослеплен им и только поэтому согласился! Прошу Князя быть справедливым, все это было идеей Цзи Цинчжоу!

В маленьком дворике.

Ту Даю расхаживал из угла в угол, вздрагивая от каждого звука шагов патрульных стражников, словно напуганная птица.

— Этот Гао Лян всегда любил хитрить, можно ли ему доверять? — нахмурился Ту Даю.

— Раз уж он не дурак, то должен понимать, чего стоит в этом дворце. Таким, как мы, чтобы сохранить жизнь, нельзя полагаться на предательство товарищей. Если он сегодня продаст меня, как думаешь, долго ли он проживет после этого? — отозвался Цзи Цинчжоу.

Ту Даю посмотрел на юношу и увидел, что, несмотря на болезненную слабость на лице, его взгляд был необычайно спокойным, без тени растерянности. Не удержавшись, он спросил:

— Тебе не страшно?

— Страшно, — ответил юноша. — Но боюсь я не того, что Гао Лян меня предаст, а...

А того самого Регента.

В сложившейся ситуации у Цзи Цинчжоу оставалось лишь одно — рискнуть. Поставить на терпение и рассудительность Регента, на тот образ мягкого и милосердного человека, который тот старательно создавал годами, и надеяться, что он не разрушит его из-за одного ночного инцидента.

Хотя в оригинальной книге Регент в ту ночь устроил настоящую кровавую баню...

Резиденция Регента.

— Почему Цзи Цинчжоу хотел поменяться с тобой сменой? — спросил Ли Чжань.

— Он... он сказал, что не желает видеть Князя. Евнух Яо намеревался выдвинуть его на службу рядом с Вашим Высочеством, но он не хотел этого, поэтому и нашел раба, чтобы поменяться, —

ответил Гао Лян. — Раб был ослеплен жадностью и позволил себя уговорить... Прошу Князя о помиловании!

Дун Дун вмешался:

— Врешь! Разве он не пошел во дворец евнухом, лишь бы избежать тягот ссылки? Служба рядом с Князем — это милость, о которой многие лишь мечтают, с какой стати ему отказываться?

— Да! Раб говорил ему то же самое! — поспешно добавил Гао Лян. — Но Цзи Цинчжоу сказал... сказал, что Тайфу Цзи когда-то был наставником Князя, а он — сын Тайфу, и не хочет, чтобы Князь видел, до чего он опустился, влача жалкое существование, дабы не позорить имя рода Цзи перед Его Высочеством.

При этих словах Ли Чжань заметно вздрогнул.

Дун Дун украдкой взглянул на него, не зная, что добавить.

Весь столичный люд знал: когда род Цзи был обвинен в преступлениях, все чиновники, и гражданские, и военные, молчали, боясь вымолвить хоть слово в их защиту. Лишь третий князь, ныне Регент, отправил покойному императору бесчисленное количество прошений.

Хоть жизнь Тайфу Цзи спасти не удалось, троих его детей он все же уберег.

— После того как ты ушел из кабинета Юйшуфан, ты заходил в павильон Фэнсянь? — спросил Дун Дун.

— Раб ведь все еще был в одежде Цзи Цинчжоу, конечно, мне нужно было ее вернуть, иначе Евнух Яо, узнав, наказал бы меня, — поспешил объяснить Гао Лян. — А когда переоделся, было уже поздно, вот я и вернулся.

— А что маленький господин Цзи делал после того, как ты ушел? — спросил Дун Дун.

— Он сбежал даже быстрее меня, — торопливо ответил Гао Лян. — Маленький господин Цзи такой трус, что и минуты не посмел оставаться в павильоне Фэнсянь, с наступлением темноты все время прятался в коридоре. А после того как мы сменились одеждой, он еще умолял меня проводить его, но я боялся столкнуться с Евнухом Яо, где уж мне было его сопровождать...

Ли Чжань, казалось, погрузился в свои мысли, и ледяная аура вокруг него почти рассеялась. Видя это, Гао Лян осмелел и, не дожидаясь вопросов Дун Дуна, добавил:

— Впрочем, боюсь, маленький господин Цзи недолго продержится подле Евнуха Яо, увы.

— Почему? — не удержался Дун Дун.

Гао Лян, осознав, что сболтнул лишнего, испугался, но под строгим взглядом Дун Дуна был вынужден продолжить:

— Да кто в Палате евнухов не знает, что Евнух Ту всегда был любимчиком Евнуха Яо... А теперь вдруг появился этот маленький господин Цзи, который так приглянулся Евнуху Яо. На людях Евнух Ту к своему младшему брату по-доброму относится, а вот за спиной... хе-хе...

Дун Дуна не интересовали эти дворцовые интриги, поэтому он не стал расспрашивать дальше, а перевел взгляд на Ли Чжаня.

Тот неизвестно сколько пребывал в глубокой задумчивости. Лишь спустя время он произнес:

— Заключите его под стражу.

Как только он закончил, Гао Лян взмолился:

— Князь, помилуйте, Князь, помилуйте...

Но ему быстро заткнули рот и уволокли прочь.

Когда его увели, Дун Дун спросил:

— Князь, может, прикажете привести Цзи... маленького господина Цзи для допроса?

Ли Чжань смотрел в ночную даль, но долго молчал, погруженный в свои думы.

В маленьком дворике.

Ту Даю стоял у порога, глядя, как светлеет небо, и наконец с облегчением выдохнул.

— Рассвело, они не пришли за тобой! — сказал он Цзи Цинчжоу.

Юноша, который отчаянно хотел спать и почти клевал носом, тоже расслабился.

— Не ожидал, что Князь действительно проявит уважение к памяти твоего отца! — заметил Ту

Даю. — Если бы не те слова, что ты велел передать Гао Ляну, прошлой ночью нам было бы не уйти от ответственности.

Цзи Цинчжоу горько усмехнулся:

— Князь едва ли поверил словам Гао Ляна на слово. Просто, если немного поразмыслить над вчерашним, можно понять, что я оказался там случайно... Целью того, кто за всем этим стоял, был совсем не я.

То, до чего додумался он, Ли Чжань не мог не понять. Поэтому вместо того, чтобы устраивать шумные разбирательства, лучше затаиться и найти истинного зачинщика.

Похоже, этот Ли Чжань действительно умеет держать себя в руках.

Цзи Цинчжоу невольно сжал кулаки, понимая, что в будущем во дворце ему придется быть предельно осторожным, иначе одна ошибка — и он попадет в лапы Регента.

— Но одного я не пойму, — озадаченно спросил Ту Даю. — Зачем ты заставил Гао Ляна сказать Князю, что я тебя невзлюбил?

Цзи Цинчжоу оперся на руки и поднялся. Раны, которые за полдня покоя почти перестали ныть, тут же отозвались острой болью.

Держась за плечо Ту Даю, он ответил:

— На всякий случай, чтобы подготовить почву.

Ту Даю смотрел на него с недоумением, не до конца понимая смысл слов Цзи Цинчжоу.

— Мастер ведь еще не знает, что я поменялся с Гао Ляном сменой? — спросил Цзи Цинчжоу.

— Он еще не успел об этом спросить, я сдерживал его, так что все должно быть хорошо, — ответил Ту Даю.

Цзи Цинчжоу проговорил:

— Сходи и расскажи ему.

— Зачем? — удивился Ту Даю. — По правилам мастера, за такое самоуправство тебя ждет наказание...

Посмотрев на выражение лица юноши, Ту Даю внезапно все понял.

— Если я получу наказание, во-первых, это поможет скрыть прежние раны, а во-вторых, если все вскроется, я не подставлю тебя и мастера, — легко улыбнулся Цзи Цинчжоу. — Иди, считай, что сделал для меня одолжение.

Ту Даю помедлил, стиснул зубы и, поднявшись, вышел.

Яо Чанъань столько лет прослужил во дворце, что его главным правилом было закрывать глаза на то, чего видеть не следует.

Когда Ту Даю пришел к нему «жаловаться», он даже не стал расспрашивать, а лишь сказал, чтобы тот разбирался сам.

Что еще оставалось делать? Пришлось, следуя просьбе Цзи Цинчжоу, устроить показательную порку.

— Ты бил слишком слабо, — сказал Цзи Цинчжоу.

Ту Даю, нанося ему лекарство, ответил:

— Не бить же тебя по-настоящему? Тебе нужен был лишь предлог. Если бы Князь действительно решил собрать всех евнухов и заставить каждого раздеваться для осмотра, то даже если бы я забил тебя до смерти, следы ран в самых важных местах скрыть было бы невозможно.

Цзи Цинчжоу действительно нужен был лишь предлог. По крайней мере теперь, формально получив наказание, он мог получить лекарство в Императорской больнице.

— После обеда Палата евнухов будет выбирать слуг для Его Величества, должны прийти все, кто грамотен и подходит по возрасту, — сказал Ту Даю. — В таком состоянии ты сможешь дойти?

— Ничего, — ответил Цзи Цинчжоу. — Если я не ошибаюсь, не исключено, что сегодня Князь вызовет меня на разговор.

Ту Даю забеспокоился:

— И что делать?

— Если он вызовет меня, это даже хорошо — значит, он поверил словам Гао Ляна и хочет лишь удостовериться, — рассуждал Цзи Цинчжоу. — Раз он не забрал меня прошлой ночью, значит, скорее всего, проявил уважение к отцу, так что сегодня он обязан меня допросить...

Если бы он не вызвал Цзи Цинчжоу на допрос, вот тогда стоило бы начать по-настоящему бояться.

— А вдруг он заподозрит неладное? — спросил Ту Даю.

— Этого я знать не могу, — вздохнул Цзи Цинчжоу.

У него еще не было возможности толком узнать Регента, поэтому предугадать его мысли было невероятно трудно. Тем более, что события последних дней уже слишком сильно отклонились от оригинального сюжета...

После обеда те, кого выбрала Палата евнухов, собрались на площади перед кабинетом Юйшуфан.

Цзи Цинчжоу, отдохнув ночь, чувствовал, что старые раны добавились новыми, но после того, как он нанес лекарство на самое больное место, стало легче — не так мучительно, как вчера.

Выбор слуг для маленького императора был обусловлен тем, что прежде среди тех, кто прислуживал перед очами императора, было мало грамотных, способных помочь Его Величеству при обучении чтению и письму. Хотя у императора были компаньоны по учебе и наставники, они не могли находиться при нем денно и нощно, что доставляло неудобства. Поэтому и решили найти грамотного евнуха специально для этой цели.

Сегодняшний отбор был первичным: по сути, смотрели на внешность, и все, кто был опрятен и не вызывал нареканий, были приняты — Цзи Цинчжоу и Ту Даю, конечно, тоже.

— Завтра господин Лу даст задание, а Палата евнухов проведет письменный тест, трое лучших будут прислуживать Его Величеству с кистью и тушью, — объявил Яо Чанъань, стоя перед собравшимися. Господин Лу — это Лу Тинъи, нынешний наставник императора; видимо, из опасения, что предыдущий Тайфу недавно попал в опалу, нынешний Лу Тинъи пока не получил этого титула.

Отобранные евнухи сияли от радости — для простых слуг такой отбор, где не смотрели на чины и заслуги, был шансом всей жизни. Многие годами ждали возможности оказаться подле императора, не говоря уже о такой почетной должности, как помощь в письме.

Среди всех избранных, пожалуй, лишь Цзи Цинчжоу и Ту Даю было не до веселья.

Когда Яо Чанъань собирался отпустить всех, к нему подошел Дун Дун и тихо прошептал что-то на ухо. Яо Чанъань вздрогнул и бросил взгляд на Цзи Цинчжоу в толпе.

— Осмелюсь спросить, есть ли у Князя какие-то распоряжения на его счет? — спросил Яо Чанъань у Дун Дуна.

— А вот этого я не знаю, — ответил тот. — Если бы Князь хотел, чтобы я знал, он бы сказал.

У Яо Чанъаня внутри все похолодело.

За долгие годы службы он повидал всяких людей и считал, что в людях разбирается безошибочно. Он ценил Ту Даю, даже зная, что тот не слишком хитер, не владеет интригами и кажется чужим в этом глубоком дворце... Но ему было все равно.

Прожив столько лет, он слишком много интриговал, поэтому в итоге больше всего полюбил в Ту Даю его искреннее, доброе сердце.

Когда Ту Даю просил его приютить Цзи Цинчжоу, Яо Чанъань, хоть и сомневался, но все же согласился.

Он никогда не питал симпатии к грамотеям. Особенно за те годы, что он служил покойному императору, он насмотрелся на дворцовые козни и считал, что люди, «впитавшие в себя чернила», все лицемерны и неверны.

Кто бы мог подумать, что этот маленький господин Цзи, пробыв во дворце всего несколько дней, неизвестно как умудрился вызвать гнев Регента.

— Цзи Цинчжоу, иди сюда, — позвал Яо Чанъань.

Видя, что к ним направляется Дун Дун, Цзи Цинчжоу уже был готов к этому и, услышав свое имя, подошел к Яо Чанъаню.

— Так ты и есть Цзи... Цинчжоу? — Дун Дун посмотрел на юношу и на мгновение остолбенел.

И было от чего: хоть на юноше была простая форма евнуха, его внешность и манеры были воистину ошеломляющими. Даже он, человек, никогда не обращавший внимания на красивых юношей, на секунду потерял дар речи.

— Почему лицо такое бледное? — заметил Дун Дун, глядя на болезненный вид подростка.

Спросив об этом, он понял, что это неуместно, но тут же подумал, что мальчишка — сын

наставника его господина, так что это проявление заботы со стороны Князя.

Не успел Цзи Цинчжоу открыть рот, как Яо Чанъань ответил за него:

— В тюрьме он сильно подорвал здоровье, так быстро не оправиться. А вчера еще и провинился, вот его старший наставник и проучил.

Дун Дун ничего не сказал, лишь бросил Цзи Цинчжоу:

— Иди за мной.

Цзи Цинчжоу слегка поклонился и последовал за Дун Дуном в кабинет Юйшуфан.

Внутри Ли Чжань сидел за столом, просматривая доклад.

Дун Дун подвел юношу к столу, доложил и благоразумно отступил в сторону.

— Зачем ты пришел во дворец? — раздался холодный голос мужчины.

Цзи Цинчжоу замер и ответил:

— Место ссылки — Северная граница, боялся тягот.

Не нужно было спрашивать: Регент задал этот вопрос, выступая в роли наставника Тайфу. Камень, лежавший на сердце Цзи Цинчжоу, сдвинулся наполовину: он понял, что раз Регент спрашивает об этом, значит, поверил словам Гао Ляна, иначе это был бы не разговор, а допрос.

— Если ты так уверен в своей правоте, то почему прячешься от людей? — снова спросил Ли Чжань.

— Князь... — Цзи Цинчжоу немного подумал и произнес: — Вы позвали меня сегодня, чтобы наказать непутевого сына за его покойного отца?

Как только юноша закончил фразу, он почувствовал, как на него устремился пристальный взгляд. Он слегка опустил голову, не глядя на собеседника, но почувствовал, как тот отложил доклад и поднялся, направляясь к нему.

Вскоре его окружил ледяной холод, а в следующее мгновение перед глазами показался подол черной мантии с темным узором. Цзи Цинчжоу почувствовал холодный древесный аромат, исходящий от него, и сердце его сжалось. В голове невольно всплыли картины той ночи в павильоне Фэнсянь.

Тогда его мысли были в полном беспорядке, и после, кроме острой боли в теле, он запомнил лишь обжигающее прикосновение того человека и легкий древесный запах, застрявший в ноздрях.

Ли Чжань слегка опустил голову, глядя на юношу, который был ниже его на полголовы.

Он увидел, как длинные пальцы юноши, опущенные вдоль тела, невольно сжались в кулаки, а с бледного лица почти сошла кровь, отчего тот казался таким хрупким, что мог упасть в любую минуту.

— Ты... — Ли Чжань заговорил, и в его голосе невозможно было уловить ни гнева, ни удовольствия. Лишь спустя время он спросил: — Вчера спрятался в павильоне Фэнсянь только ради того, чтобы избежать встречи со мной?

— Князь, помилуйте, — Цзи Цинчжоу глубоко вздохнул, сделал два шага назад, подобрал полы халата и опустился перед Ли Чжанем на колени.

Когда он опустился, это движение неожиданно задело самую скрытую рану на его теле, и он не сдержал сдавленного вдоха боли.

— Ты ранен? — спросил Ли Чжань.

— Князь, Евнух Яо сказал, что вчера он самовольно поменялся сменой и был наказан, — пояснил за него Дун Дун.

Ли Чжань пристально посмотрел на юношу и произнес:

— Встань.

Цзи Цинчжоу через силу поднялся, стараясь не показать, где именно у него болит.

— Твой старший брат благополучно прибыл к месту ссылки, он просил меня передать тебе, что с ним все хорошо, — Ли Чжань сдержал эмоции и добавил ровным голосом: — Видя, как юноша слегка вздрогнул, он добавил: — Иди. Впредь... будь осторожен.

Услышав это, Цзи Цинчжоу почувствовал, как камень окончательно упал с его сердца: он понял, что этот рубеж пройден.

Однако его раны и вчерашнее появление в павильоне Фэнсянь были слишком уж подозрительными, и Регент наверняка не оставил подозрений. Чтобы полностью развеять их, этого было мало.

Но сейчас Цзи Цинчжоу не мог придумать ничего другого.

Хорошо, что старое уважение к Тайфу Цзи еще работало, иначе Регент не был бы с ним так любезен. Он лишь надеялся, что дальше не будет никаких неожиданностей, и лучше бы это дело просто закрыть.

Но дерево хочет покоя, а ветер не дает — развитие событий вовсе не зависело от воли Цзи Цинчжоу.

Где-то в столичном особняке.

Мужчина средних лет с ухоженной бородой перебирал четки. Неподалеку от него застыл человек в воинской одежде.

— Наш Регент оказался на удивление терпелив, как он мог вынести и ничего не предпринять? — усмехнулся мужчина средних лет.

— Он никогда прежде не вмешивался в дела дворца, у него там даже нет доверенных лиц. Все, что он мог узнать, — это лишь имена дежурных евнухов. Если продолжать копать дальше, просочатся слухи, и если дойдет до того, что Регент развлекается с евнухом в павильоне Фэнсянь, доклады цензоров завалят кабинет Юйшуфан, — ответил воин.

Мужчина средних лет засмеялся:

— Раз уж он решил замять это дело, мы поможем ему пустить слухи.

— Слушаюсь, — человек поклонился и вышел из комнаты.

<http://bllate.org/book/21165/2144617>